

Петр Чалый

ЗА НАМИ — РОДНАЯ РЕЧЬ

(Поэтический мир Александра Нестругина)



Петр Дмитриевич Чалый родился в 1946 году в селе Первомайском Россошанского района Воронежской области. Автор двенадцати книг прозы. Более тридцати лет работал корреспондентом воронежской областной газеты «Коммуна». Публиковался в журналах «Подъём», «Волга», «Наш современник», «Кольцовский сквер», «Воин России». Награжден орденом «Знак Почета». Дипломант форума «Золотой Витязь», лауреат литературных премий «Имперская культура» им. Э. Володина, «Родная речь», «Кольцовский край», всероссийского конкурса «О казаках замолвите слово», премии им. В.А. Белокрылова. Член Союза писателей России. Живет в Россоши.

Несколько лет назад хозяйки Россошанской районной библиотеки имени Алексея Прасолова подарили читателям и здешнему «литературному цеху» встречу с поэтом Александром Нестругиным — «нестругинский четверг». Одно — знать творческого человека по его книгам и текущим публикациям, другое — увидеть, выслушать и вместе поразмышлять, о чем «болит душа» у каждого из нас.

Россошь и Петропавловка, где живет Нестругин, — районные центры на юге области, разделенные полями, холмами и долами да башушкой Доном. Некогда в стародавней России это была единая административно-военная территория, именовавшаяся не уездом, а Острогожским слободским казачим полком. Полковые сотенные слободы-села располагались в донских степях — от поныне воронежских Острогожска и Калача до теперь луганского Старобельска.

Кто я есть такой? Задача!
Перепутались пути:
Мать — с Хопра, почти казачка,
А отец — хохол почти.
Где — украинская мова,
Где — напевный бег Хопра...
Что он шепчет, голос крови,
Возле отчего двора?

Возле дома-палисада,
Полынка да муравы...
Как ни странно, нет разлада
В перемешанной крови!
И щекочет давней лаской,
Как дыхания парок,
Говор — говорок хохлацкий
И — хоперский говорок.
Так привычно, так надежно,
Так светло и горячо...
Кто я есть? Да разве можно
Тут сказать ясней еще?
Не страдая и не мучась,
Расклоню листву веков,
И блеснет, как речка: русич!
Русич — вот я кто таков...

Русичи, наши пращурсы славяне, еще в тысячелетней дали расширяли границы Древней Киевской Руси по необжитой Великой Степи на берега «синего Дона», в кубанскую Тьмутаракань.

О, Русская земля! Ты уже за холмом...

«Слово о полку Игореве»

Здесь монгольские степи срослись
С Русью — белой лобастой грядой.
Тишина. Здесь века пронеслись
Над живою и мертвой водой.
Ковыли, тихо павшие ниц,
Да подлесок приречных яруг...
В этой повести нету страниц —
Только жажда, и норов, и — дух!
Только отблески трудных побед,
Только отзвуки горестных сеч.
В ней хохлацкого говора нет,
В ней москальского говора нет —
Ей знакома лишь русская речь!
Каждый шорох на ней шелестит,
Ворог ловит ее, не дыша.
Только в ней — и отвага, и стыд,
И тоска, и мольба, и — душа...
Это все не кончается вдруг —
За холмом, за донскою волной...
Почему ж, когда гляну на юг,
Вся отчизна — уже за спиной?
И опять тут кончается свет,
И беспмятства стелется дым.
И разменяна тысяча лет
На червонцы грошовых гордынь...

Прошлое и настоящее. Наша «донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь» и наша прадедовская Слобожанщина стали на глазах пограничем России и Украины. Не географической, а настоящей, по живому народному сердцу, границей с заставами и таможенными, с отдаляющимися друг от друга берегами государств. Легко уступили и уступаем мы политикам, запамятавав пророческие слова земляка, историка Николая Костомарова: «В истории, как в жизни, раз сделанный промах влечет за собой ряд других, и испорченное в несколько месяцев и годов исправляется веками».



Александр Нестругин

Но об этом же с болью душевной тихо кричат стихи, написанные в глубинке. Стихи, согласитесь, не провинциальные!

Рассказывая о себе, Александр Гаврилович вспомнил присловье: где родился, там и сгодился. Появился на свет в селе Скрипниково Калачеевского района в первый день нового 1954 года. Окончил юридический факультет Воронежского университета. В 1976-м направили на работу следователем прокуратуры почти домой, в соседний Петропавловский район.

Уголовные дела,
Протоколы да повестки,
И стихи — так неуместно
В нижнем ящичке стола...
...Уголовных дел стопа.
Фотоленки. Сленки. Тряпки.
И — стихи в потерятой папке...
Блажь. А может быть — судьба...

Впрочем, сельский «детектив», а затем — адвокат, судья, председатель районного суда доказал, прежде всего, самому себе, что быть поэтом не блажь — его судьба. Выпадала не единожды дальняя и торная дорога с открытым счастливым билетом на новое место жительства, на «кабинетную перспективу». Большой город своими благами и прелестями не сманил. Правом выбора воспользовалась душа. Оглядываясь назад с высоты прожитых лет, уже ветеран труда то ли в шутку, то ли всерьез считает: «Там бы уж стихи писать не довелось».

«Господь сподобил», — заметил тогда участник нашей встречи Василий Павлович Жилиев, тоже член Союза писателей России, тоже поэт с божьей искрой, житель села Новая Калитва Россосанского района. «Господь сподобил» и его, сельского учителя с сорокалетним педагогическим стажем. Как и библиотекаря из соседней Старой Калитвы Светлану Алексеевну Ляшову-Долинскую, чьи стихи знакомы читателям областных и столичных изданий. Как и Виктора Васильевича Беликова, учителя и журналиста, поэта и публициста. Как в свое время и старейшину здешней «литературной кузницы» Михаила Федоровича Тимошечкина, ветерана Великой Отечественной войны, учителя и журналиста, но — прежде всего, поэта, лауреата Всероссийской премии «Прохоровское поле».

— Районный городок — Россось, — говорит Нестругин. — Но здесь наравне с Воронежем можно создавать организацию Союза писателей России.

— Представьте, все мы ушли из провинции? И, скажем, состоялся бы такой

поэт Александр Нестругин? — спрашивает в свою очередь Жилиев. Сам же отвечает: — Сомневаюсь. И он был бы другим, и насколько обеднела бы культурная жизнь нашей глубинки.

Василий Павлович был прекрасным чтецом, умел душевно выделить самую суть стихотворения. Вот и тогда, выступая, расставлял очень точные смысловые, нравственные акценты.

Брошенные селения: «Когда уходят хутора, крапива жжет следы». «Вместо домов — только травушка сорная. Вместо погоста — пахота черная».

Русский проселок: «И сердце бьется в том пути о каждый холмик больно. И не дает душе идти безродинно, окольно».

Телеэкран: «Как в распутицу трактор ДТ, месит отчую землю ЦТ».

Наше прошлое: «Красных и белых оставьте с их общей бедою... В дедовой хате — родни фотографии в раме. Может быть, хватит их судьбы делить октябрем?»

Огород: «Тоскую по огороду, что... твердо лепил породу», ...что «день этот к свету вынес на рваном клочке земли».

Расплата: «То, что Россию обнесли другие, с нас вины не снимет. Когда мы гнули и трясли колхозный сад, мы были с ними...»

Родное: «Скажешь: “К Дону”, слышится: “Домой”». «Край обрывные вязы — мой простой оберег». «Золотою листвой зацелована, неостывшая наша вода...»

Поэты: «Мы могли бы безвестно лечь, задували нас, как свечу, но за нами — Родная Речь, и стоим мы — плечо к плечу».

Потом мы снова слушали гостя. Вспоминали известных русских «областных» поэтов — уроженца Россоши Геннадия Яковлевича Луткова, жившего здесь Алексея Тимофеевича Прасолова. И опять свои стихи читал Александр Нестругин:

Навек приписан к рубежу,
Что отчий свет хранит,
Я никуда не ухожу —
я не сойду
С отеческих высот.
...А ветер, что всегда тут дул,
Страну, как снег, несет...
И я, подмогою забыт
У сданных деревень,
Навек не в золото, не в гранит —
Вжимаюсь в хмурый день.
И, как бы ни был век жесток,
Поземкой не завьюсь.
Сгинь, подколенный шепоток!
Я жив. Я остаюсь.

* * *

...С поэтом еще размышляем, слушая и читая знаковое стихотворение «Засечная черта».

На Руси всякое место свято. Читаешь географическую карту. Вот твоё роднённое просьяное зернышко — малая родина. Пока ещё держится. А сколько сел и хуторков были и ушли вместе с жителями в паспортную строку.

Как настоящий русский поэт Александр Нестругин с глубокой болью воспринимает жизненные обстоятельства современной деревни:

Живем — как празднуем на тризне,
И явь не гонит жуткий сон...
Живой, ты вычеркнут из жизни
И в чёрный список занесен.

Все давно творится без совета с народом. С райцентром, как крепостью, оплотом-защитой сельской, начали сводить счета еще «при Хрущеве», подловато советуя ему насильно сселять крестьян в агрогорода. И в середине двадцатого века, и, тем более, сейчас мало кому известно, что сельское районирование сталинских лет после небывалой социалистической ломки все же сплотило колхозное и совхозное крестьянство в государственную общину. Один пример: в пределах района в ту пору житель самого дальнего «медвежьего угла» при бездорожье мог пешком, на велосипеде, мотоцикле, на лошадке спора добраться до райцентра. Разрешив свои проблемы, он к вечеру уже был дома. Все на виду — секретари райкома партии и председатель райисполкома со своими заместителями, прокурор и начальник милиции, судья, военный комиссар и так далее. Население территории охвачено лечебными учреждениями, школами, клубами, библиотеками, торговыми точками, почтой... Сельхозпредприятия с машинно-тракторными станциями вкупе наращивали производство даров полей и ферм. Существовало управляемое «государство» — неразрывная частичка области или края и страны. И вдруг село объявили «неперспективным», «черной дырой» в экономике и затеяли «укрупнение» всего и вся — сельсоветов, колхозов и совхозов, районов...

С той хрущевской поры все пошло наперекосяк. С двадцатилетней передышкой (1965-1985) рубим корни векового крестьянского лада.

Вместо того чтобы строить заводику по переработке всего, что растят в полях и на фермах, что требует санитарной вырубki в сосновом бору, в дубраве, как по недоброму умыслу разваливается и то, что было, и то, что все еще есть. Человеку нужна работа, а ее на глазах уводят из села, объясняя «рыночной экономической целесообразностью». Если бы так это и было. Да зайди в любой продуктовый «Магнит» — услышишь небывалое и неверяще убедишься в этом, читая этикеточные прописи. Молоко из подойника, какой пока еще «звякает спросонok», уехало из сельского двора за тридевять земель, чтобы на колесах вернуться к тебе на обеденный стол в прекрасивом пакете. Вернуться нередко — не молоком, а белым непонятным продуктом. Налей в стакан — за месяц не скиснет. Схоже колесят по городам и весям тысячи верст ржаное и пшеничное зерно, подсолнушек, мясные окорока. Попадают жирующим перекупщикам, не приложившим рук к этому хлебному караваю или к безмясной колбасе с кусающей ценой. Из той золотой стоимости продукта главному его добытчику — крестьянину — перепадают копейки: не то что прибыли — затрат не вернешь.

Ушла работа — уезжает вслед и люд. Кормить семью-то надо!

«Оптимизация» государственных расходов увела — «единым росчерком — так проще!» — из райцентра военный комиссариат, державные налоги, санэпидстанцию... «Неужто ворог у села?» — тревожно вопрошает поэт. Неужто, родной райцентр,

...И скоро темными дворами
По звездной и земной меже
Уйдешь ты вслед за хуторами,
Что там, средь звезд, бредут уже,

Прижав к груди терны да ивы...
Судьбу и свет даривший мне.
От кабинетной перспективы
Ты оказался в стороне.

Не от беды, не от Победы
Тебя летам не отделить.
Но ты — ты нынче слишком беден,
Чтоб чей-то гонор утолить.

А ведь до недавнего времени тебя, райцентр, величали спасителем Отечества! Не позабыты еще и лозунги «Живет село — живет Россия!», «Спасем село — спасем Россию!» Даже сегодня здесь, в глубинке, люди пытаются хоть как-то обустроить свою жизнь, избежать полного разорения: где-то появляются трубопроводы с родниковой водой, газ, латается асфальт на еще советских дорогах, еще содержатся убыточные автобусные маршруты, оберегаются редкие участковые больницы и школы с малым числом учащихся. Сюда зазываются толстосумы с капиталами. А иначе — как защитить продовольственную безопасность страны? И за все это поэт чувствует свою личную ответственность.

Не чужеземье под ногами...
Шумят, как думы ни горьки,
Березы — под Березнягами.
И под Замостьем — сосняки.
И подступает к горлу поле.
Невзгодой сбитое в комок...
Ты им не нужен нынче, что ли?
Ты — мог помочь, да не помог?
Бросать своих — такой завывчки,
Хоть бой греми, не знают тут.
Кому же так мешают лычки
Твои, что их — с погоном рвут?

А мешает отчая сила и благополучие, в первую очередь, тем, кто опоясывает наши границы военными базами с ракетными гнездами, кто откровенно заявил о желании уничтожить Россию. Тем, кто среди нас нежно выращивает на закордонных и отечественных сребрениках новоявленных иуд.

Но поэт — в рядах тех, кто твердо этому противостоит, как это испокон веков делали наши предки.

Хоть в окружении — не пленный
Солдат, не смят, не распылен,
Покуда рядом отделенный,
Покуда делит отделенный
Сухарь последний и патрон.
Поди, возьми бойца на веру,
Когда под смертью не бывал.
А отделенный тот, к примеру,
Он, крикнув, первым и вставал,
Чтоб взять окоп... Берлин и Прагу,
Гремя грозой, возьмут фронты...
Райцентр, рассыпья по оврагу,
Спрячь речку в лозы и кусты.
Пусть шарят в днях, на век твой зарясь,
Пускай грозят — перетерпи.
...Молчит монгол, молчит хазарин,
Польнью ставшие в степи.
Молчит потомок римской славы,
Давно ли — сорок третий год! —
Донской искавший переправы,
Нашедший — через Лету брод.
Как те сошли, сойдут и эти...
А ты с надежными людьми,
Как ежевики колкой плети,
Траншеи старые займи.

Стань диким терном, повиликой,
Кинь им под ноги темноту.
И перед новым Полем Диким,
Не кочевым, но — диким, диким! —
Веди Засечную Черту...

В смутные времена засечные из лесных завалов валы на порубежье не единожды надежно прикрывали наших воинов, нашу славянскую Русь. И она вновь и вновь воскресала, «вдохновенная Богом!» И пусть «присно и ныне во веки веков» — «постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

* * *

Господь сподобил Александра Гавриловича Нестругина быть поэтом!

Сегодня можно сказать, что он в высшей степени соответствует этой великой испостаси. Он автор многих замечательных книг и публикаций в ведущих российских и зарубежных литературных изданиях.

Поэт признан лауреатом Всероссийского конкурса «Лучшая поэтическая книга 2021 года» за сборник стихотворений «Упрямая речь». В нынешнем году — семидесятом со дня своего рождения — награжден правлением Союза писателей России Золотой Пушкинской медалью.

Семьдесят лет — возраст, в каком многое еще ему посильно. Пожелаем Александру Гавриловичу здоровья и сил во благо Родины!

